

Прошло две недели с тех пор, как Кортни отправила письмо Гарри с просьбой дать ему совет. Она была очень занята учебой, так как до семестра оставалось всего четыре недели. Она лихорадочно собирала всю имевшуюся у нее информацию о Гарри в газету, хотя ей все еще не хватало информации о его пятом курсе и времени, проведенном в тюрьме. Неделю назад она получила записку от обоих родителей, в которой говорилось, что они согласились разрешить ей сохранить свою долю в WWW. Она почувствовала облегчение от их ответа и была в восторге от того, что ее отец согласился. Он написал ей отдельно записку, в которой просто рассказал ей, как обстоят у него дела. Она ответила тем же, рассказав ему о своих школьных занятиях. Она даже зашла так далеко, что объяснила квиддич. Она не знала, как он воспримет это, она действительно не знала, что еще сказать.

Она все равно задавалась вопросом, что это за внезапная перемена в ее отце. Письмо от него было написано так, как будто между ними все время была непрерывная связь. Она была так сбита с толку, что даже пошла к профессору Блэку (который был единственным учителем, встретившимся с ее отцом) и поговорила с ним об этом. Он просто поощрял ее следовать примеру отца, так как казалось, что ее отец очень старался стать таким отцом, в котором нуждалась Кортни.

Поэтому, хотя она все еще была в замешательстве, она решила дать отцу шанс показать, что он действительно имел в виду это изменение, и простила его. В то утро она отправила ему письмо, в котором говорила, что прощает его, и благодарит за попытку.

Быстро подойдя к Зельям, она размышляла о странном поведении профессора. С той ночи, когда ее задержали, он, казалось, всегда наблюдал за ней. Если честно, ее это напугало. В классе он редко выделял ее вслух, но теперь все поняли, что он наблюдал за ней почти исключительно. Следовательно, весь класс продолжал украдкой поглядывать на нее. Не помогало и то, что она не была хороша в зельях. Короче говоря, она начала ненавидеть урок зельеварения.

Пострадав в этот период, она с радостью покинула застенки и вошла в столовую раньше многих своих сверстников. Она быстро поела и сумела избежать спешки. Она знала, что Анжела хочет поговорить с ней, возможно, снова о занятиях Снейпа. Однако она была не в настроении для ободряющих разговоров Анжелы. В общей комнате она расслабилась у камина и открыла книгу, чтобы просмотреть домашнее задание по Чарам.

Ее прервал крик, и она подняла глаза и увидела Рекса. Обрадованная, она вскочила и взяла пакет, прикрепленный к его ноге. Она была удивлена, что это был пакет. Она уже собиралась открыть его, когда услышала голоса снаружи. Взглянув на часы, она поняла, что у нее есть около десяти минут, чтобы добраться до урока заклинаний.

Быстро взбежав наверх в свою спальню, она запрыгнула на кровать и открыла пакет. На самом верху лежало несколько сложенных пергаментных листов. Она достала их и отложила коробку в сторону.

Открыв их, она начала читать.

Дорогая Кортни,

Я польщен, что вы решили доверить мне свое замешательство по поводу вашего отца. То, как вы себя чувствуете, вполне понятно. Однако я боюсь, что я не лучший человек, чтобы спрашивать о прощении других. Я надеюсь, что все же получится. Просто помни, что твой отец любит тебя.

Я также прошу прощения за то, что это письмо заняло у меня так много времени, чтобы добраться до вас. Это было самое трудное письмо, которое мне когда-либо приходилось писать. Пожалуйста, после того, как я рассказал вам все, что произошло, не поднимайте эту тему снова. Я не хочу вспоминать об этом больше, чем должен.

Лето после моего четвертого курса было, вероятно, худшим. Мои родственники, все еще обвинявшие меня в том, что Фред и Джордж разыграли Дадли, были полны решимости сделать мое лето ужасным. Меня кормили один раз в день, а остаток дня я должен был выполнять всевозможную работу по дому и оказывать услуги Дурслям. Иногда они просто заставляли меня что-то делать, просто чтобы отнять у меня время. Я думаю, что мне пришлось реорганизовать все книги в библиотеке дяди Вернона по крайней мере четыре раза: в алфавитном порядке по авторам, в алфавитном порядке по названию, в хронологическом порядке по дате публикации и в порядке по телефонному номеру в соответствии с десятичной системой Дьюи. Многое из того, что они заставляли меня делать, было просто утомительно. Я на самом деле не возражал против утомительного, это действовало на мои нервы. Хуже всего была работа на улице, которую они заставляли меня делать, так как она была очень изнурительной. тем более, что я был полуголодным. Как я уже сказал, это было не самое приятное лето.

Хуже всего было то, что Волдеморт снова был активен. Он не привлек внимания министерства, так как в основном скрывал свои атаки от общественности. Он напал на тех, кто был связан с Дамблдором, и поэтому Министерство не приняло во внимание все это, поскольку Дамблдор был паникером. Однако, благодаря моему шраму, я был свидетелем многих вещей, которые он делал тем летом. Это было ужасно, Кортни, и я не буду описывать то, что я увидел. Не помогало и то, что связь между Волдемортом и мной становилась все крепче по мере того, как он увеличивал свою силу. Я думаю, это связано с тем, что он вложил в меня часть своей силы, когда я был один, и что он использовал мою кровь, чтобы воскресить себя. Единственная хорошая вещь, которую я мог видеть, заключалась в том, что он не знал об этой связи и не мог наблюдать за мной, как я за ним. Я подозреваю, что причина, по которой связь позволяла мне чувствовать только его, а не наоборот, заключалась в том, что в обоих обстоятельствах, когда мы были связаны, я был невольным участником, и это частично блокировало его. Поскольку он был тем, кто преднамеренно напал на меня в возрасте одного года (и, таким образом, намеренно передал свою силу) и тем, кто насильно взял мою кровь, он добровольно (если не сознательно) вступил в связь, чтобы его не заблокировали.

Физически и эмоционально я был измотан к концу лета. В тот момент мои сны не были постоянными, поэтому я не знал всего, что происходило. Я знал, что он планирует что-то большое, но не знал подробностей.

В октябре моего пятого курса Волан-де-Морт напал на офисы Министерства под землей в

Лондоне. Министерство больше не могло отрицать его возвращение, и поэтому они впали в другую крайность. Любо́й, кто даже подозревался в какой-либо причастности к темной деятельности, был арестован и допрошен. Однако из-за своей некомпетентности они не смогли поймать настоящих Пожирателей Смерти, хотя в конце концов стало известно, что многие люди, влиятельные в Министерстве, были Пожирателями Смерти, такие как Малфой и Макнейр.

Моя школьная работа сильно страдала из-за моей неспособности спокойно выспаться (я обнаружил, что сон без сновидений не блокирует видения, а только продлевал мое пребывание в любой обстановке, в которой находился Волдеморт) и моей последующей неспособностью сосредоточиться. Если бы квиддич разрешили в том году, меня, скорее всего, исключили бы из команды из-за моих оценок.

Каким-то образом мне удалось пройти срок в целостности и сохранности. Мои видения Волдеморта становились тревожно частыми. Однако мне было трудно все вспомнить. Детали, слова, имена, важные факты были потеряны для меня. Возможно, если бы я мог лучше помнить, я бы знал, что задумал Волдеморт. К сожалению, у меня была почти идеальная память на достопримечательности.

Рон и Гермиона были рядом со мной в тот семестр, как никогда раньше. Казалось, что половину времени они могли читать мои мысли и точно знали, когда мне нужно поговорить, а когда меня следует оставить в покое. Я также начал встречаться с Джинни в этом семестре. Мы с Сириусом поддерживали частую связь, и профессор Дамблдор много раз открывал мне свой кабинет, когда мне нужно было выслушать меня поумнее. Короче говоря, несмотря на то, что в то время угроза была для меня большей, чем когда-либо за первые четыре года моей жизни, я был счастливее, потому что у меня была сеть поддержки.

Поддержка была тем, чего у меня никогда не было в детстве. Как я уже говорил вам раньше, мои опекуны ненавидели и боялись меня. Поэтому они унижали и унижали меня при каждом удобном случае. Воспитание в такой среде неспособствует легкому доверию кому-либо или обращению за помощью. Итак, через четыре года я, наконец, пришел, чтобы попросить помощи у взрослых в моей жизни и доверить своим друзьям свою неуверенность. Я даже признался Сириусу, как плохо со мной обращались у Дурслей. Он призвал меня пойти к Дамблдору и сообщить ему о пренебрежительном отношении и почти жестоком обращении, с которыми я сталкивался всю свою жизнь. Я наконец сделал в начале декабря. После того, как я рассказал ему все, он пообещал мне, что мне не придется возвращаться к ним домой на лето. Я помню, как думал после того, как оставил это, если бы я знал, что будет результат, я бы пошел к нему на несколько лет раньше.

По мере того, как напряжение за пределами замка росло, в начале декабря я испытал одни из худших видений, которые у меня когда-либо были. Они были настолько ужасны, что я не мог заставить себя говорить о них в то время. Доверять другим, кроме себя, было все еще в новинку, и я думаю, я был немного напуган тем, как они отреагируют на мои видения. Они были такими ужасными, и каждый сон укреплял мою веру в то, что я виноват в возрождении Волдеморта (я уверен, все они знали, что я виню себя, хотя я никогда не говорил об этом). Я боялся, что они поймут то же самое, поскольку они поняли, насколько все плохо, и поэтому я отстранился. Думаю, они волновались, что я впаду в депрессию, потому что, когда я перестал так открыто рассказывать о своих видениях, они позаботились о том, чтобы я никогда не был

одинок. Я был не против на самом деле,

Я боялся спать в тот момент. Я часто не спал три ночи подряд, пока Гермиона, Рон или Джинни, или все трое, не тащили меня к мадам Помфри, где она заставляла меня уснуть, используя комбинацию зелий, заклинаний и магических артефактов.

Несмотря на все это, Рождество было прекрасным. Большинство учеников остались в школе, потому что их родители знали, что это, скорее всего, безопаснее, чем их дома. Некоторые семьи дошли до того, что поехали в школу, чтобы вместе провести Рождество. Так было и с Уизли. Все старшие дети вместе с мистером и миссис Уизли поступили в Хогвартс. Профессор Дамблдор даже устроил так, чтобы родители Гермионы были там на Рождество. И Сириус (помните, что он тогда еще был каторжником) был там в ту ночь, чтобы обменяться со мной подарками наедине.

В первый день Нового года у меня было самое ужасное видение. Мой шрам на самом деле открылся и кровоточил, и я буквально впала в шок, потому что то, что я увидела, было настолько ужасно. Конечно, когда пришли отчеты о конечном результате атаки, Дамблдор знал, что я был ее свидетелем, но даже конечный результат не сообщал о процессе. Следующие несколько дней я провел в больничном крыле, не в силах есть и не желая даже говорить.

На третий день я принял решение. Я знал, что у меня будут продолжаться видения, и будет больше похожего на то, что я видел. Итак, я принял решение, что не сдамся. Мне было ради чего жить, у меня были друзья, у меня была семья, если не по крови, то по духу, у меня были люди, которые меня любили и которые были рядом. Я решил, что буду сражаться изо всех сил против Волдеморта, а тем временем воспользуюсь преимуществом времени, проведенного с друзьями. Я не позволю Волдеморту определять мою реакцию.

Через неделю после того, как я шел из библиотеки обратно в Гриффиндорскую башню, я встретил Рона в коридоре. Он казался взволнованным, поэтому я последовал за ним, пока он болтал о открытке, которую только что получил со своей шоколадной лягушкой. Я остановился и рассмеялся, потому что вспомнил, как впервые съел шоколадную лягушку по дороге в Хогвартс. Поддавшись его волнению, я протянул руку, чтобы посмотреть на карточку.

Как только я дотронулся до него, я понял, что это портключ. Меня вместе с Роном перенесли в Запретный лес. Потрясенный и рассерженный, я потребовал объяснить, что происходит. В ответ он полностью связал меня и конфисковал мою палочку. Пока он стоял там, я понял, что «Рон» не держал свою палочку. Я пришел к выводу, что это был кто-то под Обратным зельем. Кто бы это ни был, он казался нервным и продолжал оглядываться по сторонам, словно ожидая, что кто-то придет. Наконец появился РОР и Червехвост.

Они обсуждали что-то слишком далекое, чтобы я мог слышать, а потом ко мне подошел Червехвост и взял часть моих волос. Я видел, как он выпил Обратное зелье, превратился в меня и поспешил в замок.

Полчаса спустя действие Обратного зелья «Рона» закончилось, и я увидел, что это Драко Малфой. Он усмехнулся и сказал: «Это будет твой конец». Затем, прежде чем я успел среагировать, он снял полную привязку к телу и схватил другой портключ. Я был предоставлен самому себе, чтобы вернуться в замок. Я был сбит с толку и беспокоился о том, какой здесь была общая картина. Меня похитили, но я не пострадал. Да, запретный лес был опасен, но не настолько, чтобы оправдать «мой конец». Мне стало интересно, что случилось с настоящим Роном, и я поспешил обратно в Хогвартс.

Я мог видеть огни и башенки между деревьями, когда услышал " Stupefy!" слева от меня и упал на землю ошеломленный.

Когда я пришел в себя, я сидел в кресле, прикованный к нему цепью, и смотрел на полностью созванный Визенгамот. Я мог видеть с ними Дамблдора, а среди зрителей я видел своих учителей, друзей, Уизли и многих других. Я даже видел Ремуса с Нюхачом.

Я был дезориентирован и с трудом мог сосредоточиться на том, что говорили. Мне стало холодно, и я понял, что поблизости должен быть дементор или два. Я заставил себя сосредоточиться, и когда я это сделал, то услышал показания Рона, что я убил Хагрида. Я слышал, что Арабелла Фигг и Ремус Люпин также свидетельствовали.

Затем Дамблдор, Гермиона и половина моих учителей свидетельствовали о моем недавнем «изменении поведения» как о доказательстве моего перехода на «Темную сторону». Мой внезапный переход от депрессии к нормальному состоянию был расценен как «подозрительный».

Мне не дали возможности выступить в свою защиту, мне не дали возможности подать апелляцию, не дали возможности дать показания под Veritaserum. Министр Фадж повернулся к созванному Визенгамоту и сказал: «Гарри Джеймс Поттер обвиняется по двум пунктам обвинения в использовании непростительных проклятий, одному пункту обвинения в убийстве, одному пункту обвинения в уклонении от ареста и одному пункту обвинения в связях с известными преступниками. Вы слышали показания свидетели».

Затем он потребовал приговора. Оно было единогласным, меня признали виновным. Затем Фадж вынес приговор. «Как несовершеннолетний Гарри Джеймс Поттер не может быть приговорен к поцелую дементора, поэтому настоящим он приговорен к пожизненному заключению в Азкабане».

Я была в истерике, плакала, умоляла, настаивала на своей невинности. Они игнорировали меня. Я начал кричать, и Фадж использовал заглушающее заклинание. Я лихорадочно огляделся, пытаюсь найти поддержку. Я посмотрел на Гермиону и Рона, но в их глазах была ненависть. Лицо Дамблдора выражало ярость, и я знала, что она направлена на меня. У моих учителей были смешанные взгляды отвращения и гнева. Потом я увидел Сириуса. Хотя он был псом, я прекрасно мог прочесть выражение его лица. Я не видел гнева; вместо этого Сириус выглядел мертвым. Он выглядел таким разочарованным и обиженным, что я снова заплакала. Он действительно думал, что это сделал я! Два аврора сняли меня с кресла и сопроводили в камеру, где я ждал транспортировки в Азкабан.

У меня не было ни энергии, ни воли. Я не мог двигаться, сидя в камере предварительного заключения. Мой мир буквально рухнул. Все, кого я знал, и все, кому я доверял, отвернулись от меня. Они предали меня. Я пообещал себе, что пока у меня есть люди, которые заботятся обо мне, люди, которым я доверяю, я не сдамся. А теперь все исчезло.

Дамблдор (его лицо больше не было наполнено гневом) подошел к камере и сказал голосом, который казался старым, усталым и болезненным: «Вы сделали очень серьезный, очень неправильный выбор, и теперь вы должны жить с последствиями. Не думаю, что когда-нибудь пойму, почему ты сделал этот выбор, но я не могу заставить себя поверить, что у тебя злое сердце. Я думаю, что ты совершил ужасную, ужасную ошибку, но я надеюсь ради тебя, что ты сможешь найти прощение в себе самом. для вашего выбора». Самодовольный ублюдок. Я бы рассмеялся ему в лицо, если бы заглушающие чары были сняты. Затем, просто чтобы добавить вишенки на торт, он сказал: «Ты разрушил свою жизнь, Гарри, но ты сделал больше, чем это. Ты разрушил надежду сотен людей, а также разрушил жизнь Снаффлса».

Через несколько минут подошли два дементора и аврор и сопроводили меня через портключ на берег, а оттуда на лодке в сам Азкабан. Я давно потерял сознание из-за дементоров. Я очнулся в комнате для допросов в Азкабана. Там два аврора пытались заставить меня рассказать о планах Волдеморта, или о других моих планах, или о том, кто мои сообщники, что угодно. Мне почти нечего было сказать, и то, что я рассказал (то, что я знал из своих видений), они восприняли как еще одно доказательство того, что я действительно работал на Волдеморта. Они не утруждали себя использованием сыворотки правды — я был просто заключенным — поэтому они использовали старомодный способ, когда думали, что я лгу или сопротивляюсь, то есть применяли пытки.

В маггловском мире это называется «жестокость полиции» и является уголовным преступлением, в волшебном мире такого закона не существует. Или, если это так, то тех, кто это делает, никогда не поймают, потому что у заключенных нет прав, нет возможности добиваться возмещения ущерба. Это было ужасно, это было унижительно, это было хуже всего, что Волдеморт сделал со мной (хотя и не хуже того, что он делал на моих глазах). После того, как я потерял сознание, меня перевели в камеру, которая станет моим домом на следующие десять лет.

Через день я почти сошел с ума. Я продолжал слышать, как умирают мои родители, видеть смерть Седрика, видеть возрождение Волдеморта, снова и снова чувствовать душевную боль от предательства. Затем я начал переживать в ярких деталях каждое видение, которое у меня было. Я видел, как этих людей пытали, насиловали и убивали снова и снова. На второй день я пытался покончить с собой. Я был полностью сломлен и сейчас просто хотел покоя. Конечно, авроры не могли позволить мне выбраться легким путем, поэтому они спасли мне жизнь. Меня поместили в больничное крыло тюрьмы, пока я лечился (и они позволяли вещам заживать естественным образом, чтобы просто продлить боль). Лазарет хуже, чем настоящие камеры. Неделю я лежал на холодной металлической плите, не в состоянии двигаться из-за ремней и цепей, которыми я там прикован, и не в состоянии думать, потому что там свободно бродят два дементора. Меня насильно кормили супом и водой каждый день.

Затем меня бросили обратно в камеру, а дементор дежурил у двери двадцать четыре часа в сутки в течение недели. По прошествии этой недели я был готов умереть просто естественной смертью. Я держался за последнюю каплю здравомыслия со всем, что у меня было. Мое

здравомыслие было моим предательством. Если бы я мог вспомнить, что я невиновен, я бы остался в здравом уме. Иногда я забывал. Иногда, в течение нескольких недель, я просто поддавался черной дыре внутри меня, дыре, которая засасывала меня, которая манила меня сладким освобождением. Какое-то время я буквально сходил с ума. Я был не из тех, кто безумно болтает, я бы просто ничего не делал.. Затем, в конце концов, каким-то образом я возвращался к себе и вспоминал, где я был, почему я был там, все. Мой мир рушился снова и снова. Затем Волдеморт сделал свой ход. Каждую ночь я видел его, слышал его, чувствовал то, что он делал. Связь стала сильнее, чем когда-либо, когда он начал больше применять свои силы; это, казалось, открыло связь шире. Довольно скоро мои видения вторглись в мои часы бодрствования. Все, что я мог делать иногда, это держать свой шрам и хныкать, когда я чувствовал, что медленно умираю от всей этой боли и агонии.

Я был слаб, я был полуголодным, а пытки продолжались. Каким-то образом мое тело выжило, хотя и не с полностью неповрежденным разумом. Я не знал, как долго я был там, пока не пришло время для ежегодного медосмотра — по сути, доктор высказал свое профессиональное мнение, что мы все еще живы, и если мы были близки к смерти, дал ужасные смеси, которые дали бы нашим телам питание (и внезапный приток необходимых питательных веществ почти убил бы нас, потому что наши тела не могли с этим справиться), чтобы мы жили дольше.

Десять лет прошли в ужаснейшей агонии, какую только можно вообразить. Я беру свои слова обратно, вы даже не представляете. Что еще хуже, так это то, что всего через несколько месяцев после моего заключения связь между Волдемортом достигла своего пика и больше никогда не ослабевала. Всякий раз, когда Волдеморт обращался к своей связи хотя бы с одним Пожирателем Смерти, это создавало своего рода... эхо связи со мной. В течение десяти лет я был свидетелем каждого плана, начиная с его первых стадий планирования и заканчивая его полным осуществлением. Я буквально видел, как умирают тысячи людей, и я, который мог бы что-то с этим сделать, ничего не мог сделать. Я знаю, что не смог бы спасти их всех или даже большинство из них, но моя информация могла бы спасти жизни. Тем не менее, я ничего не мог сделать.

По правде говоря, в этом была вся суть дела. Возможно, (и это оченьвозможно, большой) Я мог бы в конце концов простить их, если бы это было просто вопросом моего собственного здоровья и счастья. Черным это удалось. Они разрушили доверие, дружбу, любовь, которые были между нами, но даже тогда я мог бы помочь восстановить их общество, потратив некоторое время на переоценку своего места в мире. Я бы никогда не смог доверять им, как раньше, я бы никогда не смог быть частью всего этого, как раньше, эти вещи ушли навсегда, но я мог бы выстоять, находясь в обществе. с ними. Но дело было не только во мне. Это было о трехлетней девочке, которую я видел замученной до смерти собственным отцом, который не мог бороться с проклятием Империи, это было о женщине, которая потеряла свое достоинство и самоуважение от рук Пожирателей Смерти,

Я не настолько глуп, чтобы играть в игру «а что, если». Я не говорю, что мог бы даже спасти жизнь, но если бы я смог хотя бы попытаться помочь, предупредить, сделать что-нибудь, то, может быть, крики перестали бы преследовать меня во сне. Может быть, я больше не буду просыпаться по ночам в холодном поту, дрожа при воспоминании о боли. Я был беспомощен, и они были ответственны за это. Они мешали мне делать то, чему я посвятил все свои амбиции, и все, за что я ратовал, и, следовательно, то, за что, как они утверждали, они боролись. Они предали меня и предали при этом свои собственные идеалы. Вот этого я не могу простить.

Мерлин, Кортни, извините, я не хочу вас утомлять. Я не должен был вдаваться в подробности. Я даже не уверен, что правильно передаю то, что чувствовал. Еще раз прошу прощения, Кортни, с моей стороны неправильно возлагать это бремя на вас.

Я просто продолжу свой рассказ. В течение десяти лет я был свидетелем самых ужасных злодеяний, когда-либо совершенных, в конце концов мне удалось сохранить рассудок, помня, что я невиновен и что я отомщу Волдеморту. И так, пока я смотрел, я учился. Я изучил магию, заклинания, теории, дуэльные техники, щиты, что угодно, я, наверное, узнал об этом. Я учился у обеих сторон, наблюдая за так называемой Светлой стороной, анализируя их сильные и слабые стороны, что работало, а что нет, и я сделал то же самое для армии Волдеморта. Со временем я мог сказать, кем был каждый Пожиратель Смерти, просто по тому, как он двигал своей палочкой, или на какую тактику он полагался больше всего. Я мог бы сделать то же самое для света. Я мог точно сопоставить, кто с кем должен сразиться на дуэли, чтобы обеспечить желаемый исход битвы. Но я не мог.

Однажды меня разбудил Рон Уизли, который сообщил мне, что меня должны перевести в другое место. Я ожидал чего-то подобного (хотя, если честно, я почти думал, что они убьют меня, чтобы достичь тех же целей), потому что я знал, что Волдеморту планирует напасть на тюрьму, и что они поймут, что он может получить доступ к моей силе через общий доступ. связь. Меня отвезли в Хогвартс и заперли в подземельях. Вдали от дементоров мой разум был яснее, чем за десятилетие. В той камере я чуть не заплакала от облегчения, что теперь я вдали от криков моей матери, от преследующего меня Седрика. К сожалению, видения не прекратились, а детали не уменьшились.

Как ни странно, Волдеморту, казалось, затих на несколько недель. Насколько я понял, он собирал силы для большой атаки. Я узнал, каков был его план, и наконец-то смог что-то сделать с тем, что знал. Я рассказал об этом Дамблдору. В тот момент мне было все равно, поверит он мне или нет, я выполнил свой долг и, может быть, на один день смог бы быть в мире с самим собой.

Дамблдор действительно поверил мне. Я задавался вопросом, почему в то время. Возможно, вам следует спросить его, если вы хотите знать ответ. Я не помню, как моя информация повлияла на битву, но я знал, что преуспел в своей ответственности, и это все, что имело значение. Я действительно не предоставил больше информации, потому что Волдеморту, который пытался отсеять шпиона в своих войсках, не смог выяснить, кто сообщил Ордену и Министерству о нападении на Косой переулок, просто сдался. на этой цели и вместо этого готовился к последней решающей битве. Снейп сообщил Дамблдору все, что ему известно, и это было все, что было известно мне. Волдеморту держался особняком и никому не рассказывал о своих планах.

Волдеморту атаковал Хогвартс в полную силу. У него там была вся его армия, у него были сторонники со всего мира, а Дамблдор собирал своих сторонников отовсюду. Ты должна понять, Кортни, это была война огромных масштабов, она была глобальной, не было ни одной страны, в которой жило магическое существо, на которую непосредственно не повлиял Волдеморту. Это не ограничивалось людьми, это были армии гоблинов, кентавров, великанов, троллей, нежити и всех видов, у которых была умственная способность выбирать сторону (и даже у тех, у кого ее не было). Эта последняя битва должна была стать решающей, все это знали.

Я мог видеть сцену с совершенной ясностью. Волдеморт был так близок и просто расходовал магию в любом количестве, что, так сказать, привело к «онлайновой» связи. Битва напомнила мне сцену из фильма «Братство Кольца», снятого лет двадцать назад. В начале есть эпическая сцена битвы, с которой я могу сравнить эту битву.

Я наблюдал, как армия Волдеморта подбиралась все ближе и ближе (заметьте, эта «последняя битва» происходила в течение двух месяцев). Он сам не перешел в Хогвартс, но его приспешники сделали это. Потом я увидел, как он велел Снейпу вывести меня из замка, что у него есть предложение сделать мне. Он наложил на Снейпа сложное заклинание наблюдения, чтобы убедиться, что он выполнил то, что ему было велено. Когда ко мне подошел Снейп, я даже не обратил внимания на то, что он сказал, я просто последовал за ним, а мое внимание было приковано к битве. Я видел, как Дамблдор потерял свою палочку, а Волдеморт возвел защитный купол. Я видел, как раньше использовался защитный купол, я знал, как он работает, и принципы, лежащие в его основе. Мне удалось незаметно вытащить палочку Снейпа из его кармана. Я полагаю, что он был просто слишком занят размышлениями о том, что ему делать.

Мы вошли в купол безопасности, а затем Снейп вышел вместе с двумя Пожирателями Смерти, которые держали Дамблдора. Потом Волан-де-Морт сказал Дамблдору, что я невиновен, что Червехвост подставил меня, что все они предали меня. Затем Волдеморт повернулся ко мне и спросил, окажу ли я честь убить Дамблдора. Я заявил, что мне нужна палочка (палочку Снейпа я положил в карман) и что я хочу, чтобы все слышали, что происходит. Волдеморт модифицировал защитный купол, чтобы люди снаружи могли слышать, а затем вручил мне свою палочку. Я был, вероятно, человеком, наиболее совместимым с этой палочкой, кроме самого Волдеморта.

Я выстрелил убивающим проклятием в сам купол. Если вы не знаете, как работает защитный купол, я кратко объясню. Купол безопасности привязан непосредственно к силовому центру ролика. Он становится продолжением вашего собственного тела. В отличие от других щитов, которые исчезнут или сломаются под действием достаточно мощного проклятия или порчи, защитный купол, действуя как продолжение тела, направляет заклинание прямо на заклинателя. Однако это только изнутри. Снаружи защитный купол вполне может быть стеной из чистой магии. Он настолько невероятно силен, потому что напрямую связан с источником вашей силы. Большинство волшебников не в состоянии вложить в него столько энергии и, следовательно, не могут использовать Купол Безопасности. Однако из-за того, что он постоянно потребляет так много вашей силы вы не можете выделить достаточно энергии, чтобы выполнять очень сложную магию. Я сомневаюсь, что Волдеморт мог бы наложить убийственное проклятие, даже если бы захотел. Таким образом, внутри защитного купола вам следует приглашать только тех, кому вы доверяете, потому что они могут в полной мере воспользоваться вами, в то время как ваша магия занята иным образом, и у них есть полный радиус 360° для прицеливания. К вашему сведению, Защитные купола чаще всего используются в бою, когда один целитель накладывает его на несколько раненых, а другие целители лечат раны.

Волдеморт вручил мне свою палочку, и это действительно был самый глупый поступок, который он когда-либо делал. Смертельное проклятие отразилось от купола и попало в Волан-де-Морта. Я бросил волшебную палочку Дамблдора Снейпа, и мы снова использовали убийственное проклятие. Волдеморт умер. Купол упал. Вы удивитесь, как быстро все закончилось после этого. Там были тысячи сторонников Волдеморта, и через несколько часов

все они были схвачены.

Впрочем, работа по уборке меня совершенно не интересовала. Моя часть была сделана, и все, чего я хотел, это уйти, никогда не возвращаться, чтобы обрести покой и стабильность в своей жизни, которых, как я знал, я никогда не найду в волшебном мире. Той ночью я пошел в квартиру Сириуса по его воле. Это была встреча, которую я не хочу обсуждать. Сириус, действующий почти так, как если бы он был пострадавшей стороной. На следующий день на встрече с министром магии Амосом Диггори, Дамблдором и Сириусом я заявил о своих намерениях.

Они пытались извиниться, но меня это действительно не интересовало. Вместо этого я извлек из Клятвы Волшебника, что все они оставят меня в покое (а также их соответствующие организации). Потом я покинул волшебный мир.

Я ни разу не пожалел об этом решении, у меня никогда не было желания вернуться. Я прожил счастливо последние шестнадцать лет с женой и детьми. Однако я сожалею, что не смог заставить себя рассказать семье о своем прошлом. Нет, не знаю, это прошлое, с этим покончено, им незачем знать.

Мне было очень трудно писать Кортни, и я надеюсь, что никоим образом не травмировал вас. Я почти сожалею об этом, но... ты имеешь право знать правду, как и все остальные.

В пакете вместе с этим письмом есть несколько предметов. Один из них — Sneakoscope, который дал мне Рон, а также мой омникуляр и фигурка дракона с Турнира Трех Волшебников. Есть также ряд документов, которые вы можете оставить себе, пока они остаются нетронутыми, потому что, хотя я не прикасался к ним годами, я не решаюсь уничтожить юридические документы.

Пожалуйста, прости меня, Кортни, за резкость в этом письме.

Искренне,

Гарри Поттер

Кортни в шоке отложила письмо. Слезы текли по ее лицу, и она тщетно пыталась их вытереть. Как будто пергамент впитал в себя боль и мучения Гарри и, пока она читала, просачивался ей в кожу. Она благоговейно сложила письмо, понимая, сколько стоило Гарри его написать.

Затем она порылась в остальной части пакета, найдя три упомянутых предмета и документы. Разложив их, она посмотрела на них.

В этот день июня, тринадцатого года две тысячи пятого года, Гарри Джеймс Поттер настоящим объявляется невиновным во всех преступлениях, за которые он был ранее осужден.

Министерство магии полностью прощает его и сертифицирует как гражданина волшебного мира со всеми правами и привилегиями, связанными с...

В документе продолжились официальные извинения и условия возмещения ущерба. Кортни ахнула, увидев сумму денег, которую ему дали — она была эквивалентна более чем 50 миллионам фунтов стерлингов.

Следующие несколько документов были юридическими разрешениями на все его имущество. Следующим было оригинальное письмо, которое Гарри написал, объявляя о своем намерении покинуть волшебный мир. Затем последовало свидетельство о рождении Гарри, а также его школьные письма за каждый год.

Кортни задавалась вопросом, почему не было никаких сертификатов, сообщающих о его награждении Орденом Мерлина первой степени или о его назначении в Визенгамот в качестве Главного Волшебника, пока она не поняла, что Клятва Волшебника, которая связывала Министра в то время с Гарри, аналогичным образом не позволяла самому Министерству. ни в коем случае не связываться с Гарри.

В коробке остался последний клочок бумаги, и Кортни вытащила его, открыв богато украшенный свиток с замысловатой печатью.

Международная конфедерация волшебников, состоящая из прекрасных обществ ведьм и волшебников со всего мира, в соответствии со своими основополагающими законами и еще более древними традициями, которые благородно передавались из поколения в поколение на протяжении тысячелетий, настоящим провозглашает единогласно, по назначению и подтверждение каждого Магического Правительства, усеивающего землю, и безоговорочно, чтобы Гарри Джеймс Поттер получил и всегда уважался как таковой, права, полномочия, титулы, защита и артефакты, связанные с древней честью Посоха Мерлина.

Дэвид/Гарри уже говорил о своем богатстве, но не говорил о нем всей правды. Состояние, которое он упоминает Кэтрин и ее родителям, на самом деле все унаследовано от его родителей. Ремонтные деньги Министерства лежали на многих банковских счетах по всему миру практически нетронутыми в течение шестнадцати лет и поэтому значительно выросли..

<http://tl.rulate.ru/book/74976/2109778>